

МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-30.02k7-gg19

EDN: МКТМИJ

УДК 303.442.4

Геннадий Викторович Каныгин

Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН
Санкт-Петербург, Россия

ПАРАДОКС ПОЛАНИ: НАРРАТИВ КАК МЕТОД УПРАВЛЕНИЯ ЗНАНИЯМИ НА ОСНОВЕ СМЫСЛОВ

Аннотация. Статья посвящена проблемам оперирования смыслами с помощью текстовых обозначений посредством нарратива в процессе социальной коммуникации. Основное внимание удалено наблюдаемым операциям по изменению текста, с помощью которых автор словесного рассказа выражает и модифицирует его смыслы. В числе таких операций: создание словесных дефиниций, их связывание между собой по смыслу, редактирование текстовых формулировок с учетом их смысловой согласованности и т. п. Подчеркнуто, что научная проблема, задающая специфику такого оперирования, выражена утверждением М. Полани «человек знает больше, чем говорит». Рассмотрены эпистемологические основания и приемы разрешения этого противоречия, характерные для современных техник работы с нарративом, выполняемых посредством грамматически структурированного текста. Обосновано, что современный формальный аппарат словесного повествования нуждается в совершенствовании в двух ключевых аспектах. Во-первых, в предоставлении автору возможностей конструирования смысловой целостности его рассказа в явном виде графа. Обращается внимание, что, в отличие от грамматически структурированного текста, применяемого сегодня, структурная визуализация способствует однозначной презентации смысловых отношений нарратива. Во-вторых, в инструментальных средствах, позволяющих автору, манипулирующему текстами для выражения семантики своих действий, учитывать и соблюдать закон тождества текстовых обозначений смыслов. Обе возможности могут быть реализованы в виде современной информационно-коммуникационной технологии на основе аналитических моделей нарратива, предложенных автором ранее в результате разработки компьютерных методов анализа качественных данных.

Ключевые слова: нарратив, смысл, текст, латентность, неявное знание, смысловая целостность

Ссылка для цитирования: Каныгин Г. В. Парадокс Полани: нарратив как метод управления знаниями на основе смыслов // Петербургская социология сегодня. — 2025. — № 30. — С. 5–27. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-30.02k7-gg19; EDN: MKTMJ

Введение

Актуальной проблемой многочисленных областей современных гуманитарных исследований — от анализа цивилизаций до разработки рекомендаций по совершенствованию технологий современного информационного общества — является проблема *выражения смыслов*, на основе которых люди структурируют любую информацию, функционирующую в обществе (Каныгин 2024: 3).

В результате наших исследований, посвященных анализу качественных данных в социологии (Kanygin, Koretskaia 2021) и проблемам управления неявными знаниями в традиции М. Полани и П. Лазарсфельда (Kanygin, Kononova 2021), мы разработали методы структурного моделирования смыслов. Наше решение существует в виде оригинальных принципов организации знания на основе его семантики и выражающих эти принципы структурных моделей (Каныгин, Полтинникова 2021), воплощенных в компьютерной программе Diologue (Каныгин, Полтинникова, Корецкая 2017; Каныгин, Хорева 2022).

В данной работе мы стремимся пояснить на предельно простых примерах, в чем именно состоят *предложенные принципы и перспективы использования методов управления знаниями* в практике социологического исследования, организуемой посредством текстового нарратива¹ (Каныгин 2024), т. е. текстов, структурируемых на основе смыслов по правилам грамматики естественного языка.

Наше разъяснение мы адресуем, во-первых, разработчикам и пользователям многочисленных компьютерных приложений, предназначенных для управления словесно представленным знанием (Confluence 2025, Obsidian 2025, Hypernotes 2025). На наш взгляд, при таких разработках их авторы уделяют непропорционально большое внимание таким сторонам работы приложений, как наглядность интерфейсов, визуализация действий пользователя, простота сценариев и т. п. В результате

¹ Синонимы в рамках статьи: рассказ, [словесное] повествование, осмыслиенный текст, инструмент социальной коммуникации.

исследователь-гуманитарий, приобщаясь к современному дизайну приложений, не получает должного ассирирования своих концептуальных усилий, составляющих ядро его работы по созданию социальной информации на основе смыслов. В частности, остается неясным, каким образом приложения такого сорта способствуют решению проблем неоднозначности текстовых формулировок, в огромном числе создаваемых исследователями в составе своих нарративов.

Во-вторых, коллегам-социологам, общение с которыми убеждает в искренности их стремления «объять необъятное» с помощью слов и готовности не пасовать перед любыми их объемами. Недооценка инструментальной природы трудностей, ощущаемых как «муки слова» при использовании нарратива в качестве средства научной коммуникации, оставляет социологические методы за рамками современной компьютерной поддержки научных изысканий. Бурное развитие технологий, приведшее к появлению информационного общества, происходит без учета концептуальных особенностей собственной интеллектуальной работы социологов.

Для того чтобы подчеркнуть прикладную направленность нашего подхода и одновременно не усложнять фактологическую базу проводимых рассуждений, мы иллюстрируем развивающиеся взгляды с помощью общепонятного примера предельно краткого типичного нарратива. В качестве такого примера возьмем фразу «мальчик идет в школу» и проанализируем, каким образом текстовые обозначения, наблюдаемые в этом мини-рассказе, взаимодействуют с его смыслами.

Ключевая особенность нарратива в качестве научного инструмента

Смыслы — основа социальной информации. Научные описания (статьи, доклады, аналитические записки, монографии и т. д.), раскрывающие предмет гуманитарных исследований — в социологии, музейном деле, психологии, культурологии, исторических исследованиях, библиотековедении и других гуманитарных дисциплинах, — строятся на том, что исследователь создает свой собственный нарратив на основе словесного повествования, сообщаемого информантом. При этом повествование информанта может принимать разные формы — текстовых данных, результатов опросов, материалов беседы, заметок в блогах, воспоминаний о прошлой работе и т. д., — причудливо существующие в пространстве, времени, социальной иерархии... Такое далеко не всегда четко понимаемое превращение рассказов информанта в научную

теорию исследователя имеет своей основой *воспроизведение смыслов*, которые возникают и поддерживают социальную коммуникацию между любыми персонажами современных социальных процессов.

В чем состоят практические трудности оперирования смыслами в гуманитарном исследовании посредством нарратива? Прежде всего, в неизбежности их подмены. Опираясь на неформальные суждения людей, гуманитарий в своих исследовательских построениях постоянно сталкивается с той или иной *подменой смыслов* в процессе их практического словесного выражения. Такие подмены происходят на постоянной основе в нарративах как информантов (Thompson 2002), так и исследователей (Каныгин 2023).

Практически подмены смыслов означают, что в разных частях нарратива его агенты² под одними и теми же словами систематически понимают разные действия, события, оценки или другие проявления сюжета создаваемого рассказа. Подобная семантическая разноголосица теоретических построений гуманитария, осуществляемых посредством нарратива, приводит к их соответствующей оценке со стороны носителей естественно-научного знания. Например, М. Алле уничтожительно называет такого sorta теории «литературными» (Allais 1990). Можно по-разному формулировать причины смысловых подмен — невообразимая сложность явлений, которые составляют предмет исследований гуманитария; латентная природа смыслов; отсутствие явного представления смысловой структуры нарратива с помощью его текста; разные уровни компетентности, которой обладают агенты нарратива; и т. п. (Каныгин 2024). Каждая из таких формулировок достойна отдельного исследования.

Однако в данной публикации нас в большей степени интересуют не «причины», т. е. словесные объяснения, а прагматика использования нарратива, благодаря которой на протяжении веков словесное повествование играет роль главного исследовательского инструмента в гуманитарных науках. На наш взгляд, методологические трудности, вызванные постоянными подменами смыслов словесных обозначений, создаются и преодолеваются одним и тем же прагматически работающим приемом — кропотливой концептуальной работой коллектива людей над текстом, приводящей в результате многих итераций к словесному выражению предмета социологического исследования³. Работа

² Синонимы в рамках статьи: автор, рассказчик — тот, кто создает / конструирует нарратив; реципиент — тот, кто использует нарратив в качестве источника информации; агент — тот, кто совмещает роли автора и реципиента.

³ Мы не относим себя к числу поборников идеи генерации нарратива посредством «больших языковых моделей».

состоит в артикулировании весьма многочисленных и взаимосвязанных по смыслу формулировок, раскрывающих предмет гуманитарного исследования. Непосредственная трудность возникает при артикулировании и согласовании между собой смыслов отдельных словесных обозначений, употребляемых в смысловой взаимосвязи в разных частях нарратива его авторами.

Эта трудность, проявляющаяся как «муки слова», известна каждому автору словесного повествования, дерзнувшему описать посредством слов события любого масштаба: от того, что случилось прошедшим летом, до тектонических сдвигов в обществе. Смыслы, лежащие в латентной основе такого описания и выражаемые с помощью неформальных умений человека, крайне сложно уложить в прокрустово ложе формальных текстовых формулировок. Семантические основания появляющихся слов перемежаются в голове автора, создавая противоречия между своими словесными дефинициями.

Почему возникают подмены смыслов при конструировании нарратива?

При ответе на этот вопрос мы исходим из основополагающего утверждения М. Полани — «человек знает больше, чем говорит» (Polanyi 1966). Это высказывание мы трактуем как принцип, которому подчиняется процесс создания любого нарратива. В частности, не является исключением лаконичная фраза, приведенная выше в качестве примера. Опираясь на принцип Полани, постараемся объяснить, каким образом носитель обыденного знания, создаваемого посредством рассказа, pragmatically управляет «тем, что знает», меняя состав и связи слов, посредством которых выражает свое знание. С этой целью рассмотрим, каким образом нарратив возникает благодаря pragmatischen действиям его автора с текстом — введению текстовых формулировок, редактированию существующих дефиниций, связыванию их между собой в различных сочетаниях и т. п. В результате мы рассчитываем прояснить, в чем состоят трудности этих действий и в какой мере они преодолимы.

Замысел

Прежде чем появиться в формальном виде текста, любой рассказ должен существовать как *замысел*⁴, с той или иной степенью определенности понятный самому рассказчику. Но может ли другой человек представить себе этот мысленный прототип всего повествования, если выражают его слова еще не сказаны?

⁴ Синонимы в рамках статьи: мысленный план / прототип, ментальный прообраз.

В какой-то мере — да. Именно так, как предельно просто делает классик, — «человек знает». Что значит «человек знает» применительно к любому нарративу, в частности, представленному в нашем примере? Еще до возникновения текста, наблюдаемого всеми агентами, в голове его автора появляется [ментальный] образ, используя который рассказчик будет подбирать слова и связывать их между собой. Иначе говоря, в отличие от потока грамматически структурированного текста, наблюдаемого всеми агентами нарратива, передаваемое с помощью рассказа человеческое знание предварительно существует в умолченном или скрытом состоянии. Такое знание Полани называет *неявным*⁵ (Dragicevic et al. 2020), а Лазарсфельд — *латентным* (Swedberg 2018). Именно это знание порождает *смысл обозначений*⁶, которые в нарративе принимают форму текста.

Эти базовые понятия нуждаются в серьезных пояснениях, так как, в соответствии с самим принципом Полани, также строятся на ряде неочевидных посылок, которые необходимо иметь в виду, прослеживая ход мысли классиков научной методологии. Прежде всего, Полани фактически признает, что не может с необходимой убедительностью изложить, каким образом устроено знание, которое он называет неявным. Однако такое признание не ведет его к поиску «математических» решений, т. е. конструированию формальных процедур, которые позволили бы получать текст нарратива, минуя его семантическую подоплеку, скрытую в голове каждого человека. Например, так, как предлагают разработчики «больших языковых моделей»: путем статистического анализа текстовых массивов, в огромном количестве накопленных в Интернете.

Классик де факто исходит из того, что, несмотря на отсутствие общепринятого ответа на вопрос, как устроено и по каким правилам работает неявное знание (Dragicevic et al. 2020), последнее тем не менее каким-то образом обеспечивает функционирование общества в течение долгих веков. Концепция неявного знания объясняет факт повседневных социальных взаимодействий, осуществляемых людьми посредством нарратива, наличием у них *навыков*. Именно с помощью навыков каждый человек прагматически вполне успешно оперирует своими мыслями и осуществляет социальные действия в повседневной жизни. «Прагматически», т. е. не зная, как устроено такое оперирование,

⁵ Синонимы в рамках статьи: латентное, неэксплицитное, умолченное.

⁶ Синонимы в рамках статьи: дескриптор, фрагмент текста, формально понятое слово, словесное выражение смысла, [словесная, текстовая] ссылка [на фрагмент семантической сети] латентного знания человека.

но обладая социальными приобретенным умением использовать свой навык на практике для осуществления осмысленных действий, например для согласования своих социальных усилий с другими людьми.

Навыки не являются чем-то непознаваемым, но их функционал, часто называемый умением — кататься на велосипеде, выделять в нарративе отдельные смыслы, сравнивать по вкусу обед вчера и сегодня и многое-многое другое (Каныгин 2025: 8–9), — невозможно объяснить только посредством слов. Навыки своим практическим функционированием знаменуют существование экстралингвистической реальности (Шмерлина 2009). Принцип Полани утверждает, что «мощность» реальности, воспринимаемой человеком, всегда оказывается «больше», чем те естественно-языковые описания, которые возникают в результате попыток объяснить, что происходит в повседневной жизни «на самом деле».

Но как ощутить эту познавательную мощь, если знание функционирует в голове каждого по отдельности? И такое функционирование не только не проявляет свои законы в естественно-научном фактологическом стиле, но и доступно для ментального наблюдения только носителю знания? Инструментально конструирование нарратива видится как переход от замысла, существующего только в голове автора, к тексту, который воплощает этот замысел. Как подсказывает опыт, процесс такого перехода осложняется тем, что меняется сам замысел. Однако, решая проблемы его убедительного представления для всех агентов нарратива, автор в процессе социальной коммуникации прагматически обращается к одному и тому же универсальному инструментальному ресурсу — тексту. Как показывает практика, человек вполне успешно применяет текст в качестве инструмента общения с себе подобными. С помощью манипулирования словесными формулировками, т. е. артикулирования конкретных словесных дефиниций, их символического редактирования и связывания между собой тем или иным общепринятым способом, например по правилам грамматики естественного языка, он прагматически выражает смыслы «своей головы» (Wagner 2006) для всех участников социальной коммуникации.

Этот процесс рутинного перевода своих мыслей в наблюдаемую форму текста составляет наш интерес. Поэтому, не претендую на моделирование латентных механизмов человеческого знания, но следуя идеям упомянутых классиков и их сторонников, мы анализируем, каким образом можно усовершенствовать текст — ключевой инструмент, с помощью которого человек управляет своими «потаенными» мыслями.

Будучи предупрежденным основополагающим тезисом Полани об ущербности широко распространенных естественно-научных методов

моделирования для выражения латентной природы замысла, предложим словесную метафору этого прагматически используемого ментального феномена. Замысел — это то, что человек видит боковым зрением, прежде чем повернет голову в нужную сторону и рассмотрит предмет своего интереса со всей тщательностью своего внимания. Замысел — это синкетическое описание реальности, непосредственно доступное для наблюдения и дальнейшего концептуального использования только носителю этого описания.

Действия по воплощению замысла

Мы различаем четыре основных концептуальных действия, с помощью которых носитель естественно-языкового знания управляет его латентной основой посредством манипуляций с текстовыми обозначениями. В их числе: артикулирование единичных смыслов; связывание артикулированных смыслов между собой с помощью их обозначений; создание смысловой целостности нарратива посредством множества формально связанных обозначений; сравнение замысла и словесно сконструированной смысловой целостности. В этой связи замысел — это результат исходного действия с нарративом, которое не имеет формальной текстовой компоненты.

Артикулирование отдельных смыслов

Имея в голове замысел рассказа, представленного как краткая фраза примера, я прежде всего выражаю посредством отдельных слов единичные смыслы, опираясь на которые я смогу продолжить раскрывать свой ментальный план. Таким образом, исходя из моих латентных намерений, возникнут отдельные текстовые обозначения — «мальчик», «идет», «школа». Эти текстовые обозначения как раз оказываются *формальной компонентой* нарратива (Каныгин 2023а), составляющего пример.

В чем состоит действие артикулирования единичного смысла в виде текстового обозначения? Инструментально за счет указания соответствующего текста автор ментально выделяет и тем самым активизирует структуру *коннотаций*⁷, которые он ассоциирует в своей голове (Wagner 2006) с вводимым обозначением⁸. Тем самым автор осуществляет первичную неформальную проверку обозначения на

⁷ Связи неявного знания, выражаемые его носителем с помощью текстовых дескрипторов.

⁸ Здесь мы обращаемся к сетевой метафоре знания, обсуждаемой в сетевом подходе в социологии.

его осмысленность. В то же время человек обосновывает конкретный текстовый идентификатор, ассоциируя с ним тот или иной фрагмент своего латентного знания, которое мы можем мыслить как структурированное множество коннотаций. Текстовые обозначения, возникшие в результате артикулирования, назовем *реперными*. В данном случае ими оказываются «мальчик», «идет», «школа».

Задействование ментальных механизмов осуществляется каждым из нас посредством навыков с помощью редактирования *наблюдаемых* текстовых формулировок. Каждая такая формулировка — это ссылка на структуру коннотаций, т. е. латентное представление декларируемого единичного смысла. В данном случае, во-первых, появляются конкретные возможные словесные дефиниции: «ученико», «мальчик», «ребенок», «подросток» или кто-то еще, о ком, говоря языком Полани, «человек знает». Во-вторых, осуществляется акт выбора одной из возникших формулировок — именно «мальчик». Этот процесс выбора, наблюдаемый с помощью перебора артикулированных слов, проводится посредством ментального сопоставления структур коннотаций, которые стоят за артикулированными словами. Такое сопоставление осуществляется неявным образом в «голове» каждого человека и обладает собственной ментальной функциональностью, pragmatically используемой носителем знания в концептуальных операциях с нарративом.

Подобный выбор представляет собой латентное действие, механизм которого не ясен. Однако благодаря физической реализации механизма в голове каждого носителя знания для любого из людей существует и pragmatically им задействуется функционал как этого, так и других ментальных навыков (создания слов, их неформального определения, повторного использования и т. п.). Используя такое умение, человек осуществляет описанное сравнение, результатом которого служит та или иная словесная формулировка. В данном случае — «мальчик».

Конкретным словом «мальчик» автор рассказа фиксирует устраивающий его набор коннотаций и отношений между ними применительно к условиям, осознаваемым им с той или иной степенью отчетливости. С помощью этого латентного набора, составляющего фрагмент неявного знания человека и обеспечивающего функционирование навыков, человек рассчитывает распознать именно мальчика применительно к *реальной или вымышленной ситуации*, подразумеваемой в примере⁹.

Подробное разъяснение латентной природы первого слова нашего нарратива поясняет действия, которые используются автором

⁹ В качественной социологии такую ситуацию часто называют кейсом.

при назначении текстовых дескрипторов для всех других смыслов, обнаруживаемых в дальнейшем развертывании примера. Второе артикулирование через сравнение вариантов «бежать», «направляться», «идти», «стремиться» и т. п. заканчивается выбором слова «идти». Таким образом, снова задействуется определенный структурированный набор коннотаций, которые в случае применения нарратива в некой конструируемой или реальной ситуации помогут автору, а вслед за ним и любому агенту развертываемого повествования распознать именно действие «идти», а не другие, например «устремиться», «перемещаться» и т. п. Не составит труда выполнить те же рассуждения применительно к текстовому обозначению «школа» как результату ментальных действий человека.

Уже на стадии артикулирования единичных смыслов автор нарратива испытает отчетливые трудности при выборе конкретного слова. Скажем, наш пример строится на трех смыслах, поименованных как «мальчик», «идти» и «школа». А почему бы не воспользоваться другими словами, передающими близкие смыслы, например «ученик», «отправиться», «знания»? Как выбрать на этапе выражения единичных смыслов замысла словесные формулировки этих смыслов, чтобы не совершить акт подмены? Может быть, пример должен выглядеть как «ученик отправился за знаниями»? Может быть, так «адекватнее»? Или «качественнее»?

Исследования в областях лингвистики (Валгина 2003) и нарративного анализа (Троцук 2005) подсказывают, что для того, чтобы сделать «правильный» выбор слов на фазе введения единичных смыслов, раскрывающих отдельные аспекты еще не проясненного сюжета, необходимо представлять перипетии последнего в целом. Чтобы понять, как, опираясь на единичные смыслы, автор конструирует сюжет постепенно, шаг за шагом, как бы примеряясь с помощью новых слов к тому, что уже сказано, проследим дальнейшие смысловые действия по формированию фразы-примера.

Связывание артикулированных смыслов между собой посредством их обозначений

Зачем связывать уже осмыслиенные обозначения? На данный момент наш авторский замысел выражен тремя *отдельными* словесными обозначениями — «мальчик», «идти», «школа», — передающими понятные единичные смыслы. Однако в голове автора эти текстовые идентификаторы неизбежно соединены латентной эзотерической основой, возникшей благодаря предыдущему опыту и представляемой нами

посредством метафоры семантической сети. Собственно говоря, именно существование этой основы позволило ее формально-точечно представить в виде высказанных слов. Теперь задача автора состоит в том, чтобы перевести *скрытые* коннотации этих обозначений, осознаваемые каждым человеком благодаря своим естественно-языковым навыкам, в явную форму отношений между уже введенными формальными дескрипторами — «мальчик», «идти», «школа». Тем самым продолжить выражение нашего замысла в текстовом виде, в котором мысли автора нарратива становятся доступны любому другому человеку.

Связывание по смыслу с помощью формальных обозначений, полученных при артикулировании. Пример демонстрирует общепринятое решение этой задачи. Для текстового нарратива, с помощью которого сформулирован наш пример, искомое решение заключено в использовании текста, структурируемого его автором по правилам грамматики естественного языка. Действительно, пример позволяет убедиться, что отдельное текстовое обозначение «мальчик» согласовано в числе и падеже с другим текстовым обозначением «идти». В свою очередь, слово «идти» по тем же правилам согласовано с обозначением «школа». Эти два формально выраженных согласования, появившиеся благодаря их смыслам, могут быть записаны в явном виде грамматически правильного текста как два раздельных предложения: (1) «мальчик идет» и (2) «идет в школу».

Однако почему фразы типа «мальчик идет», локально соединяющие смыслы, необходимы для раскрытия замысла? Прежде всего, из-за того, что они знаменуют собой еще одну неформальную ментальную проверку на соответствие друг другу единичных смыслов, которые кроются за каждым из связываемых текстовых обозначений. В данном случае такая согласованность очевидна: слова «мальчик» и «идет» вполне согласуются между собой по смыслу. Однако уточним, что мне как автору нарратива мало, что *каждое из обозначений «мальчик» и «идти»* оказалось для меня осмысленным в силу первой неформальной проверки семантики, выполненной в процессе артикулирования. Необходимо на основе собственного латентного знания убедиться, что также осмысленным оказывается *соединение* уже проверенных смыслов в новый смысл, который является специфичным для конструируемого рассказа.

Такое соединение означает, что двухсловным сочетанием «мальчик идет» автор фиксирует пересечение двух множеств коннотаций, каждое из которых уже обозначено им самим явно с помощью соответствующих текстовых дескрипторов — «мальчик» и «идет». Используя метафору

сети, можно сказать, что семантическая сеть человека должна подтвердить существование относительно некоторого кейса не только двух смыслов по отдельности «мальчик» и «идет», но также и единого синтетического смыслового *паттерна* — «мальчик, который идет». Наш пример не только реферирует для каждого из нас единичные смыслы, стоящие за словами «мальчик» и «идти», но и объединяет их в единый смыслообраз. «Мальчик», который выполняет действие «идти», и действие «идти», которое выполняет «мальчик».

По аналогичным причинам и аналогичным путем из другой пары реперных слов нашего примера — «идти» и «школа» — возникает еще один смыслообраз, выраженный словесным паттерном «идет в школу». Специфика рассмотренных двух, как и бесчисленных других попарных, связываний состоит в том, что любое из них осуществляется неформально. То есть связь между двумя формальными текстовыми обозначениями, например между «идет» и «школа», утверждается автором не из-за какого-то природного или социального закона, сформулированного посредством указанных слов, а как «смысловое согласование». Такое согласование, осуществляемое носителем знания, одновременно оказывается актом *концептуального произвола*, осуществляемым здесь и сейчас, и *фактом*, удостоверенным личным опытом автора и предъявленным ему самому посредством собственной семантической сети.

Описанное парное согласование единичных смыслов, формально фиксируемое грамматическими формами языка типа «мальчик идет» и «идет в школу», представляет собой самостоятельную смысловую проверку, осуществляющую в *дополнение* к акту артикулирования, приведшему в начале конструирования нарратива к появлению реперных слов. Теперь эти реперные обозначения подлежат связыванию и отдельной проверке на семантическую согласованность между собой. За счет ментального обращения автора к своей семантической сети неформально проверяется, что, скажем, «идти» и «школа», согласуясь друг с другом по смыслу, могут формировать «двойной смысл», передаваемый словосочетанием «идет в школу».

Наряду с неформальной проверкой, выполняемой автором посредством обозначений на основе их смыслов, каждый паттерн, рассмотренный как совокупность формальных обозначений, знаменует собой смысловой переход от одного дескриптора к другому. Например, «мальчик идет» означает смещение нашего внимания от субъекта «мальчик» к его действию «идет»; «идет в школу» переводит нашу ментальную концентрацию от действия «идти» к его цели — «школа». Но изменение фокуса в соответствии со словами, отслеживаемыми вниманием,

означает не столько предъявление все новых текстовых обозначений, сколько учет коннотаций, стоящих за этими обозначениями в составе семантической сети.

Создание смысловой целостности нарратива

Для завершения воплощения нашего замысла, который понятен благодаря примеру, нам необходимо два поворота сюжета, описанных по отдельности, соединить между собой явным образом. Действие, которое решает эту задачу общепринятым путем, состоит в создании фразы «мальчик идет в школу». Тем самым с помощью грамматически структурированного текста мы завершаем формирование нарратива.

Что означает такой успех? Во-первых, мы устранили сохранявшийся до сих пор эпистемологический изъян конструируемого нарратива. Из-за неполноты выражения латентного знания в словах оставалась логическая возможность, что «идущий мальчик» и «школа, к которой идет наш герой» являются компонентами разных сюжетов. Конечно, используя прагматические допущения, мы догадывались, что это не так, но до явного словесного формулирования указанной фразы эта догадка никак не проявлялась в тексте нарратива.

Во-вторых, как следствие преодоления указанного изъяна мы повысили смысловую определенность гипотетической ситуации, описываемой нашим рассказом. Теперь связь всех трех реперных обозначений — «мальчик», «идет» и «школа», составивших основу нашего замысла, оказывается выраженной не двумя разрозненными отношениями — «мальчик идет» и «идет в школу», а единой смысловой структурой, осознаваемой благодаря существованию указанной фразы.

В-третьих, появление единой смысловой конструкции, соединяющей реперные текстовые дескрипторы, фактически осуществлено нами за счет дополнительного обращения к неявному знанию, лежащему в основе всех действий по редактированию словесных обозначений. За счет еще одной смысловой проверки мы выразили интуитивно понятное допущение, состоявшее в том, что одно и того же слово «идет», фигурирующее в двух структурно изолированных паттернах, в нашем рассказе указывает на один и тот же смысл.

Это означает, что третья проверка обозначений смысловой связности формируемого нарратива осуществлена нами как побочный результат соблюдения закона тождества при обозначении смыслов в рамках нашего нарратива. Латентная проверка состоит в обосновании тождественности *смысла*, который мы придаем действию, описывающему физическое перемещение в двух разных ракурсах нашего рассказа — относительно

объекта «мальчик» и относительно образовательного учреждения «школа». Такое обоснование выражено посредством использования в рамках нашего рассказа *одного и того же текстового обозначения* «идет» при индикации, вообще говоря, разных по смыслу действий, одно из которых связано с мальчиком, а другое — со школой.

В-четвертых, в результате наших концептуальных усилий наряду с первоначальной латентной структурой замысла, на практике всегда синкетической и нуждающейся в масштабировании своих отношений, возникло ее явное выражение с той степенью полноты, которая обусловливается рассматриваемым примером. Это *явное выражение* сформулировано с помощью и в виде *грамматически структурированного текста*. Таким образом, воспроизведена структура связей между смыслами, обозначенными «мальчик», «идет» и «школа». На основе грамматически структурированного текста становится возможным строго структурное представление смысловых отношений нарратива в виде графа, т. е. конструкции из узлов и ребер (см. Каныгин 2023а). Будем называть такое визуальное представление смысловых отношений рассказа его *смысловой структурой*. Например, МАЛЬЧИК → ИДЕТ → ШКОЛА.

В-пятых, в терминах лингвистики, наши действия по отождествлению слова «идет» в двух разных аспектах рассматриваемого примера состояли в создании смысловой цепочки (Валгина 2003). Такая смысловая цепочка в приведенном примере объединила одной формальной связью *все реперные обозначения*, которые мы ввели в процессе конструирования нарратива. Используя лексику нарративного анализа, можно также утверждать, что смысловая цепочка в условиях описываемого замысла оказалась выражением смысловой целостности всего нарратива¹⁰ (Каныгин 2024).

Сравнение замысла и сконструированной смысловой целостности

Сконструированная смысловая целостность оказывается ключевым инструментом нарратива, который его агенты используют прагматически, с помощью навыков, не отдавая отчет, каковы механизмы функционирования этого инструмента (*Ibid.*). В результате достижения смысловой целостности все отдельные словесные обозначения, которые человек распознает в нарративе, оказываются формально связанными на основании смыслов, которые эти обозначения выражают. Возникает

¹⁰ Синонимы в рамках статьи: смысловое единство, смысл всего текста.

«прагматический изоморфизм» между неявным знанием и его словесным выражением, который автор нарратива может использовать для управления своими латентными мыслями. Главным критерием такого управления оказывается степень узнавания самим автором своего эзотерического замысла с помощью системы связей, распознаваемой в тексте благодаря его «природной» структурированности на основе грамматики естественного языка.

Инструментальные изъяны нарратива, проявляющие подмены смыслов

В результате нашего анализа мы видим два основных недостатка современных методов конструирования нарратива, которые ведут к возникновению проблемы подмены смыслов. Во-первых, конструирование целостности рассказа с помощью формальных текстовых обозначений на всех его ключевых фазах — артикулирования, попарного смыслового согласования и построения целостности — осуществляется автором с помощью грамматически структурированного текста. Полученная в таком виде явная структурная презентация смыслов не может считаться наглядной моделью, безусловно способствующей устранению смысловой неоднозначности рассказа (см. дискуссию по поводу сетевого подхода в социологии (Мальцева 2018)).

Во-вторых, многочисленные операции по редактированию текстовых обозначений нарратива осуществляются его автором на основе смысла этих обозначений. Однако использование грамматически структурированного текста в качестве инструмента таких операций не позволяет агентам нарратива контролировать свои концептуальные действия на взаимно понятных, например общенаучных, принципах, в частности, путем соблюдения закона тождества обозначений смыслов.

Выходы и предложения

При использовании нарратива в качестве средства социальной коммуникации необходимо учитывать принципиальную ограниченность словесных способов оперирования неявным знанием по сравнению с функциональностью этого знания, прагматически используемой человеком в своих социальных действиях. Это ограничение сжато сформулировано в процитированном утверждении Полани.

Практическим способом преодоления ограниченности словесного воспроизведения латентного знания служит построение нарратива,

обладающего смысловой целостностью. Таким образом, несмотря на указанное систематически возникающее ограничение, носителю знания удается с помощью конструируемой смысловой структуры своего рассказа получить функциональный доступ к иерархии на-выков, обретаемых человеком в результате социализации и прагма-тически используемых при социальных взаимодействиях с другими людьми.

Основная причина подмены смысла обозначений, используемых в разных частях нарратива, состоит в систематическом изменении замысла рассказа самим его автором в процессе развертывания сюжета. Оказавшись перед необходимостью отслеживания с помощью текста семантических изменений в собственном замысле, человек оказывается перед трудноразрешимыми «муками слова». При сколько-нибудь объемном рассказе, из-за ограниченности внимания, человек не справляется с координаций между собой по смыслу постоянно меняющейся огромной массы текстовых обозначений. Эти трудности объясняются функциональной ограниченностью грамматически структурированного текста в качестве инструмента оперирования смыслами, выражаемыми нарративом. В частности, текстовые инструменты современного нарра-тива не предоставляют его автору инструментальной помощи в ответе на вопрос, в какой мере используемые словесные обозначения являются обоснованными по смыслу в ходе ранее выполненной концептуальной работы.

Для организации техник систематического редактирования текста нарратива в целях отслеживания изменений замысла мы предлагаем автору использовать аналитические модели текстовых обозначений, радикально расширяющие функциональность грамматически структу-рированного текста в качестве формального инструмента словесного повествования. Модели позволяют автору рассказа использовать закон тождества обозначения смыслов с целью отслеживания им самим об-основанности каждого из текстовых обозначений, составляющих текст повествования.

Наш подход основан на трактовке этого общенаучного закона в виде двух основных правил применительно к специфическим задачам управления смыслами, возникающими при использовании словесно-го нарратива для организации социальной практики. Во-первых, один и тот же смысл при оперировании им с помощью слов естественного языка должен быть выражен автором одним и тем же обозначением. Во-вторых, разные смыслы должны идентифицироваться разными обозначениями.

В случае соблюдения автором рассказа закона тождества в указанной интерпретации носитель знания получает в свое распоряжение алгоритмы генерации смысловой целостности рассказа. С их помощью фаза конструирования смыслового единства, сегодня представляющая для автора трудоемкий процесс взаимно обусловленных редакций текста с учетом постоянно меняющегося замысла, происходит без участия человека. Алгоритмы строят граф, визуально выражающий смысловое единство, на основе тех словесных дефиниций, которые автор счел необходимым указать в виде обозначений на предыдущих стадиях выражения замысла.

Мы развиваем компьютерное приложение Diagogue, которое воплощает рабочую версию предлагаемых аналитических моделей [оперирования смыслами нарратива] и позволяет заинтересованным лицам на собственном опыте ознакомиться с оригинальной функциональностью развивающегося подхода. Приложение Diagogue позволяет конструировать смысловую целостность повествования в наглядном и однозначно понимаемом виде графа, равно как и управлять неограниченной массой словесных обозначений с одновременным контролем их обоснованности на основании закона тождественности обозначений смыслов.

Дискуссия

Сформулируем ряд дискуссионных тезисов в надежде, что они помогут прояснить предположения и допущения, которые лежат в основе развивающегося подхода.

Зачем менять устоявшийся способ выражения мыслей в виде привычного текста? Именно для того, чтобы иметь возможность систематически решать проблему «мук слова». Как только объемы нарратива возрастают, автор тут же начинает испытывать существенные трудности в отслеживании смыслов употребляемых им слов в разных частях нарратива (Thompson 2002). Наш подход основан на оригинальном механизме связывания обозначений, который не предполагает от автора умения «в черепе сотней губерний ворочать». В нашем случае автор в своих ментальных действиях не должен стремиться «взобраться на горы смыслов», скажем, в виде монографий, претендующих на объяснение «больших социальных теорий». Его задача принципиально проще: описывать привычные ему социальные ситуации, согласуя известные ему слова между собой на основе своего опыта. Общая картина смысловых связей строится алгоритмически как результат тех обозначений, которые автор сам использовал при концептуальном

объяснении знакомых ему ситуаций, ставших предметом его внимания. Такой подход принципиально упрощает концептуальную работу, причем при любых объемах нарратива. Примеры проявления существенных черт подхода мы демонстрировали с помощью приложения Diagouge в работах (Каныгин, Полтинникова, Корецкая 2017; Каныгин, Хорева 2022).

Можно ли выразить смысл «до конца»? Вряд ли стоит надеяться на подобное эпистемологическое чудо. Но также нельзя не прибегать к словесному выражению общечеловеческих смыслов, на которых строится социальная практика. В нашем подходе явное выражение неявного знания — это не только и не столько способ визуализации смысловых связей, заложенных в словесное повествование его авторами, сколько инструмент контроля смысловой связности отдельных обозначений, которые возникают при создании нарратива вследствие концептуальных действий авторов. Иными словами, любой пользователь наших методов, артикулируя отдельные смыслы своего нарратива с помощью слов, может получить наглядную структуру, связывающую или не связывающую эти слова в единый однозначно определенный граф. Структура этого графа наглядно демонстрирует, в какой мере сам автор выполняет закон тождества обозначения смыслов в процессе конструирования нарратива.

Однако в развивающихся нами аналитических методах оперирования текстом на основе смыслов, так же как в любых других техниках использования нарратива, может появляться как своя «глокая куздра», так и «хливкие шорьки, пыряющиеся по наве» (Л. В. Щерба). Если автор свяжет эти словесно выраженные фантазии между собой в локальное отношение, которое характеризует его кейс, тем самым настаивая на осмысленности этих слов, то алгоритмы, используемые в наших моделях, доверятся человеку и начнут строить единый график знания.

В чем состоят научные проблемы, на решение которых претендует наш подход? Для гуманитария, привыкшего всегда излагать свои мысли с помощью плоского текста, методы качественной социологии, основанные на смысловом кодировании и являющиеся прототипом развивающегося подхода, не являются чем-то привычным. Однако эти методы и воплощающие их компьютерные системы обладают функциональностью, благодаря которой гуманитарий становится способным решить две основные проблемы своего исследования. Во-первых, поставить под разумный аналитический контроль подмены смыслов, постоянно сопровождающие любой исследовательский проект в области социологии. Во-вторых, организовать собственную научную работу методами

современных высоких технологий, которые позволяют, в частности, контролировать связность научной терминологии, возникающей в ходе совместных концептуальных действий сообщества носителей знания.

Пополнение существующих методов. Наши предложения и основанные на них инструментальные решения не отменяют существующие программные средства, с той или иной степенью успешности функционирующие на практике в виде рутинно применяемых офисных пакетов, включающих в себя набор утилит, каждая из которых обладает собственным инструментальным аппаратом оперирования смыслами посредством их обозначений. Среди них — текстовый редактор, электронная таблица, система управления базами данных, система графической презентации информации. Однако наши инструментальные решения способны существенно расширить функциональность применяемых сегодня технологий — от офисных пакетов до систем управления знаниями за счет внедрения специфического функционала работы с информацией, представляемой посредством нарратива.

Заключение

Дальнейшее развитие предложенных аналитических принципов и методов конструирования нарратива — основного инструмента современной социальной коммуникации, а также их компьютерных реализаций — позволяет рассчитывать на создание оригинальных информационно-коммуникационных технологий, способствующих прозрачности и обоснованности принимаемых решений.

Источники

Валгина Н. С. Теория текста. — М.: Логос, 2003. — 280 с.

Каныгин Г. В. Проблемы сетевого подхода в социологии // Петербургская социология сегодня. — 2023а. — Вып. 21. — С. 72–88. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-21.cpww-t559.

Каныгин Г. В. Проблемы смысловой реконструкции социологического нарратива // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. — 2023б. — Т. 15, вып. 3. — С. 224–237. — DOI: 10.21638/spbu12.2022.303.

Каныгин Г. В. Нарратив и его эпистемологические особенности // Петербургская социология сегодня. — 2024. — Вып. 25. — С. 5–31. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-25.r5rtm-e938.

Каныгин Г. В., Полтинникова М. С., Корецкая В. С. Опыт построения социального знания на основе компьютерных онтологических методов // Социологический журнал. — 2017. — Т. 23, № 3. — С. 25–41. — URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/socjour/article/view/5367/5564> (дата обращения: 01.10.2025).

Каныгин Г. В., Полтинникова М. С. Терминологический граф контекстно-ориентированной онтологии // Информационные процессы. — 2021. — Т. 21, № 2. — С. 108–116. — URL: <http://www.jip.ru/2021/21-2-2021.htm> (дата обращения: 01.10.2025).

Каныгин Г. В., Хорева Л. В. Концептуальное моделирование ESG-рейтингов: новый подход к принятию коллективных решений // Международный научно-исследовательский журнал. — 2022. — № 1 (115), ч. 3. — С. 24–29. — DOI: 10.23670/IRJ.2022.115.1.074.

Мальцева Д. В. Сетевой подход как феномен социологической теории // Социологические исследования. — 2018. — № 4. — С. 3–14.

Троцук И. В. Нarrативный анализ в социологии (Возможности практического применения): Дис. ... канд. социол. наук: 22.00.01 / Рос. ун-т дружбы народов (РУДН). — М., 2005. — 215 с.

Шмерлина И. А. Социальность и проблема смысла: к выработке междисциплинарного понятия // Эпистемология & философия науки. — 2009. — Т. XXI, № 3. — С. 137–151. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnost-i-problema-smysla-k-vyrobokte-mezhdistsiplinarnogo-ponyatiya> (дата обращения: 20.10.2025).

Allais M. La Science Économique D'aujourd'hui et les Faits // Revue des Deux Mondes. — 1990. — №. 6. — P. 54–74.

Confluence: что это за программа, чем она полезна и как ее настроить. — URL: <https://practicum.yandex.ru/blog/confluence-dlya-sovmestnoy-raboty-komand/> (access date: 01.10.2025).

Dragicevic N., Ullrich A., Tsui E., Gronau N. A conceptual model of knowledge dynamics in the industry 4.0 smart grid scenario // Knowledge Management Research & Practice. — 2020. — Vol. 18, No. 2. — P. 199–213. — DOI: 10.1080/14778238.2019.1633893.

Hypernotes Pros and Cons: Top Advantages and Disadvantages. — URL: <https://www.g2.com/products/hypernotes/reviews?qs=pros-and-cons> (access date: 23.09.2025).

Obsidian: Give Me 15 Minutes. I'll Teach You 80% of Obsidian. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=z4AbijUCoKU> (access date: 23.09.2025).

Polanyi M. The tacit dimension. — New York: Doubleday and Company, 1966. P. 104.

Swedberg R. On the Near Disappearance of Concepts in Mainstream Sociology // Concepts in Action: Conceptual Constructionism / H. Leifulfssrud, P. Sohlberg (eds.). — Leiden; Boston: Brill, 2018. — P. 23–39.

Thompson R. Reporting the Results of Computer-assisted Analysis of Qualitative Research Data // Forum Qualitative Sozialforschung Forum: Qualitative Social Research. — 2002. — Vol. 3, No. 2. — DOI: 10.17169/fqs-3.2.864.

Wagner Ch. Breaking the Knowledge Acquisition Bottleneck Through Conversational Knowledge Management // Information Resources Management Journal. — 2006. — Vol. 19, No. 1. — P. 70–83.

Сведения об авторе

Каныгин Геннадий Викторович,

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник,

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,

Санкт-Петербург, Россия.

g.kanygin@gmail.com

ORCID: 0000-0003-3533-6076

SPIN: 6680-9987

Статья поступила в редакцию: 21.10.2025;

поступила после рецензирования и доработки: 23.10.2025;

принята к публикации: 31.10.2025.

GENNADY V. KANYGIN

The Sociological Institute of the RAS – Branch of FCTAS RAS

St. Petersburg, Russian Federation

**POLANYI'S PARADOX:
NARRATIVE AS A MEANING-BASED KNOWLEDGE
MANAGEMENT METHOD**

Abstract. This article examines the manipulation of meanings through textual designations presented as narratives in social communication. The focus is on the observable textual modifications by which the author of a narrative expresses and modifies its meanings. These include: elaboration of wording definitions, linking them together semantically, editing a mass of textual formulations for their mutual semantic consistency, and so on. It is noted that the scientific problem defining the specifics of such operations is expressed by M. Polanyi's assertion, "a human knows more than he says." The epistemological foundations and methods for resolving this contradiction, characteristic of modern narrative techniques implemented through grammatically structured text, are examined. It is substantiated that the modern formal apparatus of verbal narration requires improvement in two key respects. It is noted that the scientific problem defining the specifics of such operations is expressed by M. Polanyi's assertion: "A human knows more than he says." The epistemological foundations and methods for resolving this contradiction, conditioned by the use of grammatically structured text as a formal tool for constructing narrative, are examined. It is argued that the modern formal apparatus of verbal narrative

requires improvement in two key respects. First, it requires providing the narrative's author with the ability to construct the semantic integrity of their narrative in an explicit graph. It is emphasized that, unlike the grammatically structured text used today, structural visualization facilitates the unambiguous representation of narrative semantic relationships. Second, it requires tools that allow the author, when manipulating texts to express the semantics of their actions, to consider and adhere to the law of identity of textual designations of meaning. It is emphasized that both possibilities can be realized in the form of modern information and communication technology based on analytical models of narrative, proposed by the author earlier as a result of the development of computer methods for analyzing qualitative data.

Keywords: narrative, meaning, text, latency, tacit knowledge, semantic integrity

For citation: Kanygin G. V. Polanyi's Paradox: Narrative as a Meaning-Based Knowledge Management Method. *St. Petersburg Sociology Today*. 2025. No 30. P. 5–27. DOI: 10.25990/socinstras.pss-30.02k7-gg19; EDN: MKTMJ

References

- Allais M. La Science Économique D'aujourd'hui et les Faits. *Revue des Deux Mondes*, 1990, no. 6, pp. 54–74.
- Confluence: What is this program, how is it useful, and how to set it up?* URL: <https://practicum.yandex.ru/blog/confluence-dlya-sovmestnoy-raboty-komand/> (access date: 23.09.2025). (In Russ.)
- Dragicevic N., Ullrich A., Tsui E., Gronau N. A conceptual model of knowledge dynamics in the industry 4.0 smart grid scenario. *Knowledge Management Research & Practice*, 2020, vol. 18, no. 2, pp. 199–213. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/14778238.2019.1633893> (access date: 01.10.2025).
- Hypernotes Pros and Cons: Top Advantages and Disadvantages.* URL: <https://www.g2.com/products/hypernotes/reviews?qs=pros-and-cons> (access date: 23.09.2025).
- Kanygin G. V. Narrative and its epistemological features. *St. Petersburg sociology today*, 2024, iss. 25, pp. 5–31. DOI: 10.25990/socinstras.pss-25.r5rm-e938. (In Russ.)
- Kanygin G. V. Problems of the network approach in sociology. *St. Petersburg Sociology Today*, 2023, iss. 21, pp. 72–88. DOI: 10.25990/socinstras.pss-21.cpww-t559. (In Russ.)
- Kanygin G. V., Khoreva L. V. Conceptual modeling of ESG ratings: a new approach to making collective decisions. *International Research Journal*, 2022, no. 1 (115), part 3, pp. 24–29. DOI: 10.23670/IRJ.2022.115.1.074. (In Russ.)
- Kanygin G. V., Poltinnikova M. S., Koretskaya V. S. Experience of constructing social knowledge based on computer ontological methods. *Sociological Journal*, 2017, vol. 23, no. 3, pp. 25–41. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/socjour/article/view/5367/5564> (access date: 01.10.2025). (In Russ.)
- Kanygin G. V., Poltinnikova M. S. Terminological graph of context-oriented ontology. *Information processes*, 2021, vol. 21, no. 2, pp. 108–116. URL: <http://www.jip.ru/2021/21-2-2021.htm> (access date: 01.10.2025). (In Russ.)

Kanygin G. V. Problems of semantic reconstruction of the sociological narrative. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2023, vol. 15, no. 3, pp. 224–237. DOI: 10.21638/spbu12.2022.303. (In Russ.)

Maltseva D. V. Network approach as a phenomenon of sociological theory. *Sociological studies*, 2018, no. 4, pp. 3–14. (In Russ.)

Obsidian: Give Me 15 Minutes. I'll Teach You 80% of Obsidian. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=z4AbijUCoKU> (access date: 23.09.2025).

Polanyi M. *The tacit dimension*. New York, Doubleday and Company, 1966. P. 104.

Shmerlina I. A. Sociability and the problem of meaning: towards the development of an interdisciplinary concept. *Epistemology & Philosophy of Science*, 2009, vol. XXI, no. 3, pp. 137–151. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnost-i-problema-smysla-k-vyrobokemezhdistsiplinarnogoponyatiya> (access date: 20.10.2025). (In Russ.)

Swedberg R. On the Near Disappearance of Concepts in Mainstream Sociology. *Concepts in Action: Conceptual Constructionism*. H. Leijfslrud, P. Sohlberg (eds.). Leiden, Boston, Brill, 2018, pp. 23–39.

Thompson R. Reporting the Results of Computer-assisted Analysis of Qualitative Research Data. *Forum Qualitative Sozialforschung Forum: Qualitative Social Research*, 2002, vol. 3, no. 2. DOI: 10.17169/fqs-3.2.864.

Trotsuk I. V. Narrative analysis in sociology (Possibilities of practical application): Dis. ... Cand. Sociological Sciences: 22.00.01, RUDN University. Moscow, 2005. (In Russ.)

Valgina N. S. *Teoria teksta: monografiya*. [Text Theory]. Moscow, Logos, 2003, 280 p. (In Russ.)

Wagner Ch. Breaking the Knowledge Acquisition Bottleneck Through Conversational Knowledge Management. *Information Resources Management Journal*, 2006, vol. 19, no. 1, pp. 70–83.

Information about the author

Kanygin Gennady V., Doctor of Sociology, Leading Researcher,
The Sociological Institute of the RAS — Branch of FCTAS RAS,
St. Petersburg, Russian Federation.

g.kanygin@gmail.com

ORCID: 0000-0003-3533-6076

SPIN: 6680-9987

Received: 21.10.2025;
revised after review: 23.10.2025;
accepted for publication: 31.10.2025.